

**ОЛЕГ
ХЛЕБНИКОВ**

КРАЙНИЙ

Книга новых стихов

ArtHouse
media

ОЛЕГ
ХЛЕБНИКОВ
КРАЙНИЙ

Москва 2016

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

X55

Дизайн обложки
Марины Елистратовой

Верстка
Ирины Рябчиковой

Хлебников О.

X55

Крайний. Книга новых стихов / Хлебников Олег — М.: Арт Хаус медиа, 2016 . — 188 с.

«Крайний» – двенадцатая книга стихов Олега Хлебникова, по его собственному определению – «двенадцатый поступок».

В авторском вступлении Олег Хлебников предлагает нам несколько взаимодополняющих толкований названия книги. Но подлинный ответ мы получим, когда прочтем само ключевое стихотворение и вникнем в «фонящие четвертым измерением» стихи, собранные под этой обложкой.

ISBN 978-5-902976-97-4

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ОТ АВТОРА

Кто-то сказал, что каждая книга должна быть поступком.

Несмотря на категоричность высказывания, я с этим кем-то согласен.

Нельзя, чтобы обесценивалось само понятие «книга» (ведь и Библия – это Книга). Тем более – «книга стихов» (и Библия делится на стихи). Книга стихов (хуже она или лучше) совсем не то же самое, что подборки, выложенные в Интернете, какого бы объема они ни были. Здесь слова уже не выкинешь и должно быть так, что слова не выкинешь (опять же – Слово).

Это я про то, как, по-моему, должно быть. Что не означает на практике полного соответствия собственным критериям.

А что касается бурного и мутного информационного потока, который идет через Интернет... В нем выловить настоящее – задача для непрофессионального читателя почти непосильная. При лавинообразном повышении качества передачи и хранения информации – качество и достоверность самой информации резко снизились.

Эта книжка – двенадцатая у меня. Значит, надеюсь, – двенадцатый поступок в жизни, не считая бытовых (гвоздь вбил) и общественных (что-то подписал, под чем-то не подписался).

Книжка целиком состоит из новых стихотворений, ни одно из которых в предыдущих сборниках не печаталось. Все написаны за четыре года. Часто – на ходу, в электричке, метро, на пляже... Как-то – сквозь время. Ну, конечно, потом некоторые строчки долго не давали покоя и правились.

Наверно, если бы я не писал стихи, не дожил до этих лет. Слишком часто улетучивается в никуда смысл жизни. А обстоятельства времени или это – «сквозь время»... Ну что оно такое?

Как-то я сформулировал для себя, что время – это проявления следующего измерения в предыдущих. То есть мы воспринимаем длину, ширину и высоту, но пребываем-то в более многомерном мире. И вот все, что не

воспринимаем, называем временем. И летим в убогом кубике своего восприятия по невоспринимаемой нами оси или даже осям (а может, и по спирали).

Поскольку не воспринимаем, происходят неизбежные столкновения с чем-то, как с машиной, не включившей фары на неосвещенной дороге. Это смертельно опасно и однажды неминуемо....

При чем тут стихи? Иногда они – фонарик на этой самой дороге. Иногда, если отрезок ее сегодня удивительным образом удалось пройти, – колыбельная, чтобы заснуть под тяжестью одеяла из нехороших мыслей. Иногда – способ существования в бессонницу.

Причем не важно, свои, только сейчас пишущиеся стихи, или чужие – уже кем-то написанные и прекрасные. Даже лучше, когда чужие. И уже – мгновенно! – не чужие.

Шаламов писал: «Стихи – это боль и защита от боли,/ И – если возможно! – игра...» А еще они – орган самосознания, средство пробуждения сознания, легализация интуитивного... К этому не имеют никакого отношения поповские упражнения типа «весна – не до сна» и еще много чего хоть и написанного в рифму (или верлибром) не имеет отношения.

Быть может, самое глубокое определение поэзии – знаменитое мандельштамовское: «Поэзия есть чувство правоты».

Библейское пророчество о грядущем появлении многочисленных лжепророков касается, по-моему, в первую очередь поэзии. Вернее – того, что по лености ума и недочувствию сейчас принимают за нее.

Если трудно сразу прочитать то, что я осмеливаюсь предложить вашему и без того перегруженному вниманию, поделите это действие на четыре части (в книжке четыре раздела).

Цифра «4» здесь вообще сакральная. В каком-то смысле произведение, предлагаемое вам для прочтения, – вообще четыре в одном.

Сначала я даже книжку хотел назвать «Четвертая четверть». Ну, пре-

жде всего, потому что оказался в четвертой четверти своей жизни. Но потом передумал.

И возникло другое название – «Крайний». Что в частности значит – точно не последний. И искать крайнего в наших злоключениях не надо – вот он, каждый из нас. А еще – все мы живем на краю. Как писал Юрий Кузнецов, «край света за первым углом». И все стоим в бесконечной очереди за неведомым, над которой висит главный вопрос: «Кто крайний?»

* * *

Я не последний – крайний
(хоть долго был последним).
Во тьме родного края
я метка и посредник

меж теми, кто тут по́жил
и о́тбыл в свое время,
и тем, кто выйдет позже,
повязанный со всеми.

И в очереди вечной
российской (сдать посуду?)
я крайним был, конечно.
Всегда. И дальше буду.

ЧЕТВЕРТАЯ
ЧЕТВЕРТЬ

* * *

Четвертая четверть, когда впереди только теплый,
распахнутый мир до небес.
Экзамены сдать, заплатить за разбитые стекла
и – сразу на речку и в лес.
И – носом в траву и в прохладно-прозрачную воду...
Вот тут и учиться всему.

Четвертая четверть, сулящая даль и свободу,
лучами пробитую тьму.
Но в этой последней – в той четверти, что остается,
придется еще покорпеть.
Ну, чтоб не остаться на осень, когда уже солнце
не в силах оставшихся греть.

* * *

А.Ю. Герману

Звезда упала и осталась
на том же месте, где была.
И вот уже подходит старость,
хоть даже юность не прошла.

И вот еще звезда другая,
из щедрого созвездья Лев,
летит по небу, догорая
и никогда не догорев.

2012

* * *

Люди – это те, кого не трогать лучше,
чтобы не было потом больно, –
как толпу юнцов на всякий случай
обойти, ускорив шаг невольно.
Не привязываться к тем, кто старше, –
заповедь не только для подростков.
К женщинам и приближаться страшно
с верною любовью. Это роскошь,
как сказал Экзюпери, общенья –
слишком дорого платить придется.
...Я у всех у вас прошу прощенья,
с кем от близости не уберегся.

* * *

Я не люблю ни женщин, ни мужчин,
люблю всего-то нескольких людей –
живых ли, мертвых?

Никаких причин
искать различья в хмари этих дней,
где мы торчим.

И четких нет границ
меж небом и землей, и мира три
спрягаются водой.

А сонмы лиц –
внизу, вверху, снаружи и внутри.

* * *

Летим на планете – куда-то, зачем-то, сквозь темень,
сквозь время, которого нету, хотя оно – шар.
Летим очень быстро, пытаюсь угнаться за теми,
кто эту планету оставил – оставшимся в дар.

Мы их не догоним, хотя в один миг и догоним.
И эта погоня по имени жизнь и судьба
закончится нашей победой. «По коням! По коням!» –
хотя и не слышно, но громко сигналист труба.

* * *

От бытия к отбытию готов.
Все книжки собраны. Пуста фавела.
И – не отдать долгов...
Иль все же для родимого предела
порадеть еще посредством слов?
Непередаваемое дело!

* * *

Самец уже никакой.
Отец условный уже.
Подлец для той дорогой
занозы в нищей душе.

И окна чужих квартир
в окошко моей чужой
так смотрят, как будто мир
не чудный, а лишь чудной.

* * *

...нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.

Блок

Эти наши ковры на стенке,
эти наши песни о Стеньке,
как бросает за борт княжну,
быт убогий – да! – украшали,
да ненашим нам угрожали,
обещали опять войну.

Между Западом и Востоком,
в азиатском сюжете жестоком,
в европейском циничном... Мы
были вроде не виноваты?
Но стояли хрущобы, хаты
на схождении тьмы и тьмы.

2013

У КИЕВСКОГО ВОКЗАЛА

Розы купить и в Брянск умотать
просят меня, предлагая
задешево... Но остаюсь опять
с тобою, Москва дорогая.
Без роз и без Брянска. Зато посреди
тех, кто за них радеет –
таджиков, киргизов... И той, прости...
Господи, что владеет
киргизами, розами, Брянском и...
В общем, неинтересно.
Но от метро до бомжовой скамьи
буду держать это место –
ло́ха, очкарика с бородой,
нюхающего исправно
розы, крапленые мертвой водой
из туалетного крана.

МОСКОВСКИЙ СОНЕТ - 2013

Жиреющие мальчишки
о тендерах триндят.
Ни матери, ни мачехи
подзолы не родят.

Грузинцы, встретив азера,
«Братуха!» говорят.
Посланцы Средней Азии
сметают все подряд:

фастфуд, листву, окурочки...
И только джипы в ряд
у тротуаров улочки
их метлами колючими
не тронуты стоят.
Хоть и сужают взгляд.

COME BACK

Друзья мои! Прекрасен был Союз!
Ну, этот, наш – советских соцреспублик.
Там иногда выбрасывали бублик
и дырка хороша была на вкус.

Нам не по-детски с братством повезло.
Глушили рыбу, Би-Би-Си и водку.
Курили «Приму». Даже примы. Вót как
сталь закалялась всем смертям назло.

И никогда никто не погибал –
ни в авиа-, ни в автокатастрофах.
Ну, разве – космонавт, который в стропах
запутался, пока рапортовал...

ПЕШЕХОД

То, что стоял в октябрятском строю,
и даже вставал в солдатский,
то, что порой перед входом стою
в метро и автобус братский,
то, что лежал в палатах рядком
в пионерлагере или
в рай-, горбольнице –

                    значит, тайком

сразу меня подловили.
Значит, и после смогу, как все, –
рядком – ни лучше, ни хуже
всех...

    А пока бреду по шоссе,
собой отражаясь в луже.
Лужа прекрасна: похожа на
Россию – всем очертаньем
и радужной, жирной нефтью полна –
купаются в ней – не чета мне!..
Рядом промчится траурный джип,
обдаст меня жижей родимой...
И все ж я, пропитанный ею, жив –
шагаю, смогом палимый.
Куда дошагаю к исходу дня,
кому это интересно?
Но в строй уже не зовут меня
при жизни моей телесной.

СТИХИ СО СНОТВОРНЫМ

А. С. - Ш.

Сколько еще потерять
жизней мне предстоит?
Где научиться опять
мягко судьбу стелить?

Снова снисходит заря,
снова все хорошо.
...Первое сентября,
в школу я не пошел.

* * *

Жизнь постепенно сводится не к успеху и неудачам, а только к ее созерцанию. Активная жизненная позиция – типа сверху – это для тех, кто свои бестолковые знания хочет отдать молодежи – для отрицания.

Жизнь постепенно сводится к сумме привычек, после чего вычитание их неизбежно. И появляются новые – типа окрестных птичек хлебом засохшим кормить и вставать прилежно в пять, хоть бежать уже никуда не нужно.

Жизнь постепенно сводится к воспоминаниям о том, что она была – и еще осталась. Надо б ее угостить, окружить вниманием, пока не пришла с сумою склерозная старость, которая не сумеет и эту малость.

Жизнь постепенно сводится к осени, лету, весне и зиме – так уже в детстве было. А если движения вспять у времени нету, надо, чтобы мгновение остановила нам неизвестная, но и желанная сила.

* * *

А. Ходыкину

До сих пор играю в футбол
с живыми друзьями.
Темп высокий для нас тяжел,
но опять забиваем гол
и – пропускаем сами.

Ведь играем мы с другом друг –
свои против наших.
Попадая в столь узкий круг,
размыкающийся вдруг,
не ищи проигравших.

* * *

И не предупредили, что уйдут,
мои Денис, Валерка, Юрка, Толька,
не завершили добровольный труд:
спасать меня, чтоб жил еще полстолько.

А ты ушла, об этом сообщив,
когда уже была недостижима,
невозвратима...

Я теперь ни жив,
ни мертв. Хотя вот это поправимо.

* * *

*Десятилетней Арине из Инты,
одной из соседок по купе*

Я в ужасе от мира женщин!
Меня с ним примиряет лишь
мужской жестокий мир с неменьшим
невоплощением.

Но – глядишь –
вдруг попадешь в мир человек
и непорочных деток их...
Как нынче в поезде из греков
в варяги –

на путях хмельных.
И там увидишь: по соседству
пацанка-умница. Уже
жалеет мир, поверив детству.
Ровесница твоей душе.

ПОД ЗЕРКАЛОМ

Я, я, я – что за дикое слово...

В. Ходасевич

Мальчонка уже полстолетний,
от «до» и до нового «от»
прошедший... Но нет, не последний
в стране *рифмователь пустот*...
Ведь это же я, Боже правый!
Я-я! – как сказали бы те,
кто нашу сторонку державой
не видели по темноте.
«Я-я» – что за дикое слово!
Ужели вон тот мне – «Я-я»?
Мне – с выходкой полуседого,
тупого убийцы себя?
...Он ходит по мне и не знает,
что ходит по мне, – потому,
что лишь выживанием занят
и легче прожить одному.

* * *

Последняя иллюзия, что плоть
еще немного – и сольется с миром.
Хоть с морем. Хоть с дождем. И это вплоть
до старости глубокой в доме милом.

Еще немного – тыща мелочей
и совпадений чуда и погоды:
ну, чтоб не холодней, не горячей
и сущее не все покрыли воды.

Еще немного – это вдруг, легко
от плоти погрузневшей отрешиться,
чтобы вкушать отдельно молоко
галактики
и мясо
синей птицы.

ПОКОЛЕНИЕ ОТЦОВ

Карапузы преклонных годков,
в детство впавшие статью и сутью
и ужимок своих, и прыжков... –
вы мне солнышко нарисуйте!

Как светило оно вам, когда
еще пятнами не покрылось,
и в реке ключевая вода
под косыми лучами искрилась...

Вы застали тот божеский мир,
что задуман был Им и завещан.
Только мы износили до дыр
дорогие отцовские вещи.

А оставили так – пустяки
своим детям и внукам похожим,
из чего ни избы, ни строки,
ни шинели построить не можем.

* * *

Дух некрепок и плоть слаба,
перед взглядом кругом преграды.
Мы в гостях у самих себя
и задерживаться не надо.

Рассказать пустой анекдот,
выпить за процветанье дома
и – вперед, будто кто-то ждет
в голубой дали незнакомой.

* * *

Когда посетила вчера зоопарк,
пришла, как давно, – одна.
И правой и левой ногою шарк –
вдоль клеток скользила она.
Смотрела с болью на обезьян –
ведь сын ее был из них:
по Зодиаку. Пока не пьян.
А пьяный похож на иных
зверей – к примеру, на кабана:
зенки налиты свинцом...
Потом присаживалась, бледна,
у клетки с овном-тельцом –
о муже - покойничке повспоминать,
единственном, для кого
была до конца и жена, и мать,
хоть редко любила его...
Все клетки да клетки... Хоть крестик,
хоть ноль
в любую из них впиши...
И станет ей тесно в клетке грудной,
и – *некуда больше спешить...*

* * *

По ночному галечному пляжу
ковыляет длинное пальто –
к счастью, мимо. Чуждое пейзажу,
я не знаю, что оно и кто.

Мне бы догадаться – уж полвека
с лишком (слишком?) на земле живу.
Да не утруждаюсь. А калека
за собой сгущает синеву.

Может, бомж, но, кажется, – бомжиха,
никакая, говорю, не смерть!
А идет неотвратно тихо –
по-другому ей и не суметь.

До кого-то все же доберется,
но, твержу, не до моих родных! –
спят они. И до восхода солнца
опасаться нечего за них?

Глядя в небо, усыплю тревогу
вечную – о том, что предстоит,
и на темную ступлю дорогу –
там, за нею, Млечный Путь открыт.

* * *

Старичок на лошади, на диком пляже
скачущий всем на зависть...
У него есть цель, у него есть даже
смысл, как мне показалось.

Потому что лошади любят кушать
овес, ну а ночью надо
спать им в стойле и трепетно слушать,
нет ли какого гада.

И хвост, и грива нуждаются в холе –
все старичку забота.
И добавляет лошадка воли,
простора, еще чего-то...

Старик, умирающий на узкой кровати,
кстати, моей детской...
Видишь, это отец мой?
Из безлошадных, кстати.

* * *

Ставши стариком, сидеть на пляже
лучше, чем в высоком кресле – даже
мягком и удобном: на тебе
псевдокапитанская фуражка,
выцветшие шорты и тельняшка,
взгляд – в дали, окурок – на губе.

И хотя стагнируют суставы,
и мозги ворочаться устали
с боку на бок – ночи напролет,
но сейчас на солнышке у моря
восседаешь и не знаешь горя,
если память сердце не кольнет.

Сам себе ты капитан и штурман
и суденышко в потоке бурном
времени, пускай его и нет –
у тебя - то уж, по крайней мере.
Но воздастся каждому по вере –
верил в море и небесный свет.

И они не подведут, уверен, –
вспенят волны завтрашний рассвет.

* * *

Все равнодушнее год от года
к жизням чужим и родным,
да и к своей становился. Природа
так расплатилась с ним.
Хоть и любил ее бескорыстно,
вознаградила его:
неуязвим он отныне и присно –
ни от кого ничего
больше не хочет. Спросонья только
ждет еще от себя
ну, хоть какого-то чувства и толка –
чтобы уйти любя.

* * *

На другую не заменяя,
жизнь – работа без выходных.
И уходят с нее любимые,
раньше всех уходят любимые.
Хорошо, что я не из них.

* * *

Не зови меня в виртуальное ваше пространство –
я и так окажусь там сразу же после смерти.
Только вот что прекрасно, ужасно, прекрасно, странно:
не отловят ее все всемирные ваши сети.

Даже Брат По Разуму, много мне возражавший,
даже Телка-70 – дива из Литсовета,
не поймете вы ничего – лишь на тексты ваши
от ОХá, ХО-ХО – не будет опять ответа.

А молчание будет значить то ли согласие,
то ли полное, наглое вами пренебрежение –
уж решайте сами. Только, пожалуйста, лазьте
в эту сеть свою! Ибо жизнь – это есть движение.

И почти неважно твое оно или вдруг да
от других – к тебе. Вот бессмертье – в руке синица...
В общем, как в поколенье случайно нашел я друга,
и с потомком-юзером тоже смогу зафрендиться.

* * *

Свет в окошке Windows –
мэйлик твой с картинкою.
Снова ее кликаю –
вот мы и увиделись.

* * *

У звонков телефонных приоритет
перед общением вживую.
И вскипает скайп: «Ну, привет...» – «Привет...»
Вроде еще существую.

Ну а если вдруг без экрана в глаза
друг другу взглянуть, – это что-то
типа секшувал харразмент, за
который гонят с работы.

А какая работа твоя на земле?
Жить. Каждый день по две смены.
Да еще телефон трясет на столе
и в кармане – мобильник, хоть счет на нуле, –
высоки за болтливость цены.

* * *

И глоток свободы запит коньяком,
и во рту иллюзия не тает,
что не от свободы этот в горле ком
и – что старость молодым застанет.
Что исправить можно все, покуда жив,
даже этот вот стишок несчастный,
ну а вместе с ним – судьбу, ее надрыв,
и предаться честной жизни частной.
Чтобы говорить с друзьями – все равно
живы или нет их по соседству.
Чтобы и любовь не жгла, как прежде, но
не давала стать холодным сердцу.

* * *

Мины замедленного действия,
хорошие мины при плохой игре –
это мы, люди.

У, как пугался в детстве я,
увидев в голом нашем дворе
еловые лапочки
в кузове – как на блюде?

Взрывы чаще бывали тихими,
но кто-то за стенкой подняться не мог –
вон в той квартире.

А механизмы тикали
часовые. И только звонок
будил уставших людей
к жизни в опасном мире.

И бежали они на фабрики,
заводы и в пыльную скуку контор –
чтобы нажиться.

Где-нибудь, скажем, в Африке
такое счастье, такой фавор
на минах пехотных подорванным –
только снится.

* * *

Оранжевая революция – это когда
тетки в оранжевых жилетках
перестанут мыть поезда,
все ямы - канавы оставят недокопанными
и выйдут на плешку встречаться с унылыми копами.

И теток хватятся их алкаши - мужья
и алкаши-сыновья – вот в этом уж я
не сомневаюсь почти –
тоже столпятся на площади,
чтоб мамок не обижали менты и лошади.

Это когда все желтые вдруг потемнеют лицом
и станут совсем оранжевыми,
отметит ВЦИОМ
протестные настроения среди гастарбайтеров –
вот вам оранжевая революция – от крыш до бамперов.

Будут переворачивать ваши «Пежо»,
«Мерсы», «Лендкрузеры» – или что там еще?
И увидит Господь, что это хорошо.

ТОЧЕЧНАЯ ЗАСТРОЙКА

С Марса, Венеры, Сатурна, с невидимой Зги? –
прибыли Землю погрызть.

Но тот белозубый,
который велит уничтожить твои уголки
заветные, – вроде с виду совсем не грубый.

И эти киргизы с Сатурна, которыми руководит
он, невзначай подчеркивая превосходство,
они - то в чем виноваты –

делая безвидным вид
земли не своей и тем избывая сиротство?

Ну а твоя земля – она не твоя совсем,
ты на ней недобросовестный арендатор.
Вот и грызут ее на потеху всем
динозаврообразный бульдозер и экскаватор.

* * *

Зону эту застал я
пахшей горячей сталью,
гремящей... Но я не сталкер –
сам был ее деталью.

Туда и назад по будням
сквозь желтый туман с дымом
шел, притираясь к людям,
жилистым и нелюдимым.

Но видел, с ними контача:
контакт искрил и калился...
А вышло бы чуть иначе,
не с чайниками б возился, –

жил в городе злом, рабочем,
орудующем оружием,
и не тужил бы... Впрочем,
стал бы и там ненужным.

Когда из смерти устали
смысл добывать для жизни,
ни токари, ни детали
негодились Отчизне.

* * *

У кого-то Кастальский источник,
у меня – только Чистые Пруды
в бело - серых перьях, крапе, осадках смога,
а до этого – пруд нечистый,
где в каждой капле воды
отраженье чего угодно – и даже Бога.

А других источников не было –
ну и вышел я не ахти:
в серо-белых перьях, крапе, осадках смога.
Только все же не весь я вышел...
Но вот выхожу – гляди! –
я один... к Тебе... Да
трудней,
что ни день,
дорога.

ПЕСЕНКА ПРИШЕЛЬЦА

Непонятен этот мир,
сколько ни смотри,
и при этом очень мил
даже изнутри.

А снаружи – красота:
взрывов фейерверк,
разноцветная вода
шпарит вниз и вверх.

Огонечки городов
сквозь дурманный дым...
В общем – праздник. Я готов
поделиться им.

С теми, кто придет за мной,
кто идет уже...
Только не сейчас – весной.
И не летом же!

* * *

Василий Петрович Петров,
спасибо – поставил скамейку
и рюмку с яйцом.

Для воров
все это, по счастью, мелко.

А я вот сижу у тебя
с большой благодарностью в сердце:
спасибо – молчишь, не грубя,
на все мои фуги и скерцо.

Ты лет скоро тридцать молчишь,
а все ж приходить к тебе будем.
Ты не был Мальчиш-Кибальчиш,
но дорог оставшимся людям –

салют!.. Не пример ли ты мне,
сгубившему дом и семейку?..
Когда отгрешусь, на земле –
кладбищенской, скрытой во мгле –
поставьте хотя бы скамейку.

* * *

Нет презумпции невиновности:
если жил – уже виноват:
в отключеньях стыда и совести
(ведь бывает, признайся, брат!).
И пускай они были веерными
в этом городе и стране,
и соседи такими ж верными
оставались одной вине
(и другой, и третьей)... Но что же ты
исключеньем не стал опять,
свой отрезок, почти что прожитый,
на кресте норвя распать...

* * *

Я забыл ненужное «я»...
О. Мандельштам

Не пишется больше о красоте природы,
хотя, как и прежде, прекрасна она местами.
Наверно, такие настали счастливые годы,
когда мы с природой обязаны слиться сами.

И если субъект едва отличим от объекта,
попробуй его опиши, да еще – с восторгом.
Ненужное «я» все сильнее похоже на «некто»
и кто этот некто, нет времени выяснить толком.

Слиянье с природой надежней любого другого –
уж тут каждой косточкой, клеточкой, каждой кровинкой.
И нет на земле ничего тебе не дорогого –
любуйся любой изменяющейся картинкой:
вот ветер подул, вот и солнце является снова...
И кажется жизнь перед чем-то чудесным заминкой.

СОБРАНИЕ
ПОТЕРЬ

ЛЮДИ И ВЕЩИ

1

Вещи, как люди, вдруг пропадают куда-то и непонятно, куда же могли они деться. Вот не осталось уже ни вещички из детства, которое было сокровищами богато.

Запропалились ножички, вечные перья, даже подаренные бабушками иконки... Жалко ужасно! Как беден, растерян теперь я! – прямо, как бывший Союз без своей «оборонки».

Был я богатым людьми, но они исчезают – даже внезапней и безвозвратней, чем вещи. Кто всех дороже – заранее оповещают кратким письмом или сном до отчаянья вещим.

Что удивляет: многие вещи уходят
все же раньше, чем многие люди.
Вот, например, исчезли бидоны,
а в них молоко плескалось и пиво.
Пейджер пропал – век его оказался
короче, чем у бидонов и патефонов.
А я остался. Пока почему-то остался.
Хоть толку-то от меня, от моих пэонов!

ПОСЛЕ ПОЕЗДКИ В ГРУЗИЮ

Перестают говорить на моем языке.
Раньше-то разве что не всегда понимали,
как и сородичи, впрочем... Но генацвале
и батанó – даже с добрым бокалом в руке...

Ну, не хотят продолжать на великом, могучем
тост благодарственный матери, дому, друзьям...
Стал он для них, как проволока, колючим,
этот свободный наш, отданный блатарям.

Перестают говорить на моем языке.
Как же я с ними смогу без него объясниться?
Что невиновен почти. Что мне Грузия снится
раем потерянным – где-то невдалеке.
Кто прочитает хотя бы вот эту страницу?! –
Перестают говорить на моем языке.

* * *

Потерял тетрадку со стихами –
жизни месяца примерно три.
Вот какими мучим пустяками!
А вообще – огнем оно гори:
и стихи, и месяцы, и годы!..
Есть предназначенье: все терять, –
это от рожденья, от природы,
непреодолимо, как теракт.
То, что потерял и не заметил,
тяжелее видимых потерь.
...Вроде бы и день сегодня светел,
сам поосмотрительней теперь...
Из-за осмотрительности этой
потеряешь и последний грош –
за душой, за плотью приодетой...
А потом – не мучься, не найдешь.

СОСЕД ПО ПЕРЕДЕЛКИНУ

*...последних паутинок блеск,
последних спиц велосипедных.*

Андрей Вознесенский

Сердце стучало слева, а рядом – справа –
билась другая жизнь – не на жизнь, а насмерть,
и улыбалась мне, как былая слава,
та, на которую выправлен вечный паспорт.

Эта другая жизнь не давала покоя –
все-таки надо сделать что-то такое,
чтобы на равных с ней толковать с богами –
были ж мы рядом под и за облаками!

-- Вот отправляюсь за рифмами, – вы говорили,
как бы оправдываясь и смущаясь явно.
Я ж уходил в другую сторону – или
в сторону от себя и от вас подавно.

А паутинки последние напоминали
спицы велосипедные – в точку, не спорю.
Вот бы на них уехать в дальние дали –
лучше б туда, где рифмуется с небом море...
Лучше туда, где мы бы не умирали.

МОИ СОБЕСЕДНИКИ

А. В., Ю. К., Ст. Р.

Ушли мои собеседники.
Слишком уже далеко.
Не докричусь до них, бедненький,
зато дозвонюсь легко.

– Здравствуйте... Андрей Андреича...

И – слабый шепот в ответ.

– Простите... Не слышу...

Неуча

простит он, но звука нет.

– Здравствуйте, Юрий Федорыч!..

В ответ: бу-бу-бу, му-му.

И перебьет нас очередь
из позвонивших ему.

А Станислав Борисыч сам,
знаю, вот-вот позвонит.

Но отвечаю другим голосам:

сплошь не ко мне – по делишкам-делам.

А он набирает, ворчит –

никак не прорвется к нам.

* * *

Раннее пробуждение, потом одинокий путь
с чужими людьми в близком и потном соседстве.
Бросили тебя старшие, не дали глазом моргнуть –
и сиротливо, словно в счастливом детстве.

Тело везешь куда-то, а душа твоя за спиной –
с кем-то и с чем-то еще не рассталась, видно.
Сам ты размазан в пространстве,
но время встает стеной
и от бессилья горько и даже стыдно.

Это идет репетиция отъезда навсегда.
Друзья и родня тебе передали б опыт.
Жалко, что их не слышишь, – оборваны все провода,
а от деревьев – только неясный ропот.

Вот потому и приходится туда отправляться, где
не ждут тебя и живут, неродному внемля.
Верю, что будет прохладней в легкой небесной воде,
будет теплей вблизи с ушедшими в землю.

* * *

Горько плачущее дитя
плачет из-за ерунды,
из-за безделицы сущей, хотя –
в предошущенье беды:
мамка и папка скоро умрут –
раньше, чем никогда.
И больше не будет таких минут,
чтоб пореветь без стыда.

* * *

У каждого где-то свои родители –
их многие где-то видели.
И ты по ночам представляешь их тоже –
лет сорока и моложе.
Они, если и не совсем патриции,
имели свои амбиции:
пытались жить и тебя воспитать.
Да не получилось, видать, –
ни то, ни другое, ни то, ни другое...
Оставь их – в покое.

ОТЕЦ

Никите Аверьяновичу Хлебникову

1

Он просто уехал в командировку
и мне привезет оттуда
игрушку, сказку, на вырост обновку –
рад им, как празднику, буду.

И нынче, когда появится ночью
и даже меня не разбудит,
все ж под подушкой оставит звоночек –
про жизнь, что за смертью будет.

2

У моего отца не было вольницы –
типа гаражика лодочного на берегу
и возможности выпить горькую от бессонницы –
той, что от сна бесконечного на волоске.

У моего отца не было сына правильного,
чтобы пришел, как надо, и потолковал.
И потом у него не было оружия табельного,
чтоб исцелиться, когда свою боль скрывал.

Как правильно мой поступил отец,
что вовремя умер: не рано,
не поздно. Какой же он молодец:
ушел, как звезда экрана, –
пока еще помнят. Лежал в гробу
библейски-красивый, твердый.
И мне, закусывающему губу,
что надо сказал и мертвый.

* * *

Глянул в зеркало и увидел
лицо своего отца.
Он лицом перед смертью выдал
страх дожить до конца.

Точно те же седые патлы,
потерявшиеся глаза...
И поймешь про себя: упал ты, –
что сказать про него нельзя.

Ты-то раньше на четверть века
испугался век доживать,
хоть пока еще не калека:
и ходить мастак, и жевать.

Но отца у тебя не стало,
и теперь ты крайний в роду.
Впрочем, прожил уже немало
и тужить тебе не пристало,
принимая смерть за беду.

ПОЕЗДКА В ПИТЕР

Полсонета

...Так живешь наугад, невпопад.
Снова с книжкой ложишься в постель.
Да все то же и в ней говорят:
Тарту дорог как город утрат.
Питер – город потерь.
Но выходишь на Невский теперь –
и чему-то нечаянно рад...

* * *

*Ехал сексуально озабоченный...
В. Шендерович*

Все пикники мои – у обочины,
стол мой и ватер-клозет.
И сексуально я не озабоченный –
мне бы на мир поглазеть.

И социально я не околпаченный –
сам себе справил колпак:
как ты ни прячь его, как ни выпячивай,
все и останется так.

* * *

Все, что нажил за жизнь, – бумазейную эту рубаху.
От нее и тепло, и вечерний уют блаженный.
Одиночества никакого и смертного страха,
никакого озноба от стужи ночной вселенной.

Я хожу в ней дома – неважно, что дома нету.
Я и сплю в ней даже, звоню тебе в пьяном раже.
Бумазейная эта рубаха навек согрета
утюгом, которым ее ты гладила раньше.

А еще у меня колечко твое осталось.
Я хотел его выбросить – руки вдруг опустились.
Так с опущенными и хожу. Приглашаю старость –
вот рубаху надел и очки, и с тобой простились.

Пусть приходит – теперь ей уже ничто не мешает,
пусть сидит, в телевизор пялится хоть годами.
И с подружкой своей давнишней пускай замышляет
встречу скорую – с водкой, кутьей, цветами.

* * *

Свет в ноябре означает другое –
типа наличие тепла и покоя
лишь в отведенных местах:
в каждой хрущевке под лампочкой голой,
в сельском автобусе, горы и доли
превозмогающем в тряске веселой,
как вожделье и страх.

Дождь в ноябре означает не то, что
будут грибы, – будет скучно и тошно
вновь препираться с судьбой –
в мороси зябкой, укывшей от взгляда
все, что вдали. И хлестнет – так и надо! –
ветер из черно - сырого райсада,
где мы остались с тобой.

Жизнь в ноябре означает потерю
жизни под небом. Мурашки по телу
не от пронзительных строк –
только от сырости. В ней зародилась
вся эта жизнь – и насмешка, и милость...
Жизнь в ноябре – чтобы только продлилась
на приговоренный срок.

* * *

Тоска от лиц чужих, районов и квартир
безлюбых и сулящих безнадегу.
Спасенье только там, где мой огромный мир
сжимается до точки, равной Богу,
и воплощается всего в одно лицо
и место-пяточок – но только рядом!..
А если небо наливается свинцом,
так это для того, чтоб нашим взглядам
не отвлекаться друг от друга ни на что,
что за окном – какое там столетье-
тысячелетье?..

И сомкнул я веки штор...

А разомкнул – нет никого на свете.

* * *

В единственной жизни невозможно любить навсегда.

Вот во многих – пожалуйста.

Если по-новой встретишь ту – из фигурного льда,
что испытаешь? Восторг! – вместе с жалостью.

И это, наверно, любовь или что-то подобное ей,
что-то такое вот светлое.

А в единственной жизни мы с каждым годом старей
и при случайной встрече все безответнее.

ПЕТРО

*Третий класс. Температура.
Значит, в школу не идти...
В. Соколов*

Времена простых лекарств:
аспирина, анальгина...
Мед вдобавок и малина
из родительских богатств.
А болезни сколь просты!
ОРЗ, ангина, корь ли...
И вылечивались скоро –
даже огорчался ты.
Ведь еще, пока больной,
дочитать бы надо книжку
да и в шахматы партишку
доиграть с самим собой.
Хорошо болеть вот так –
без тревог, почти без боли,
и разглядывать обои –
в их узоре тайный знак,
что за стенкой, за углом,
где весь мир цветет, стараясь,
ждет волнующая радость –
ты ее, с болезнью справясь,
встретишь во дворе своем.

* * *

Последние бабкины пирожки...
Последние папкины пельмени...
Когда их ел, никакой тоски
не было и в помине.
Когда, не помню, они уже
стали совсем последними...
Теперь в желудке и на душе
томленье, как будто летними
ночами без милой...

И все подряд
хаваю, что продают.
Хоть цены зашкаливают, парят,
все выше и выше прут.
И все же насколько ниже они,
чем были у тех – забесплатно –
пирожков-пельменей...

Прошу: верни!
Хотя бы их запах в праздник верни!..
Самому же будет приятно.

ДЕТСКОЕ

Хлопьями снега бабочки
кружат под фонарями.
Лето кончается днями.
Сентября нояблями
неожиданно кончится.
Как же не хочется!
Не падайте, бабочки!

ВОСКРЕСНЫЙ ПАПА. ВОСПОМИНАНИЕ

Никите

Мой запретный плод родной,
сладко мне твое дыхание,
полнозвучно лепетанье...
Страшно мне: ты не со мной –
в комнате, где голый свет,
в доме, что давно разрушен.
Ждешь меня? Тебе я нужен?
А меня все нет и нет.
Нет меня – я знаю сам.
Умер – ты поймешь однажды,
хоть и воскресаю каждый
день воскресный – по часам.

* * *

Нам ни к чему не дают привыкнуть –
даже к Windows 7,
просят привычки в контейнер выкинуть –
мол, ни к чему вам совсем...

Только успеешь привыкнуть к дому,
вроде – вот дом родной,
просят спасибо сказать и к другому
двигать с набитой сумой.

Чтобы расстаться без укоризны
с каждой вещицей в срок...
Только успел привязаться к жизни –
развязывай узелок.

ЖИЛИ-БЫЛИ

1

Наступят вот-вот холода,
друг к другу тогда не прижаться.
В тебя я люблю погружаться –
запомни меня, вода!

Запомни: вот был такой –
впрямь Добчинский, но втройне я
нагружен смертной тоской,
что мог быть красивей, стройнее,

сильнее, выносливей и...
Ну, как-то не очень вышел.
Но вздорные волны твои
любил и вздымался выше

и волн, и двух-трех пловцов,
ветров не боящихся тоже.
Запомни вот: был таков!
И даже бывал моложе.

2. ОТПУСКНИК

Зачем снимает он на камеру
пейзаж, который мог увидеть
лишь без нее? А в Белокаменную
вернется – посмотреть не выйдет.

Сначала все не будет времени,
а вскоре воздуха и силы,
но и – навязчивого бремени
доказывать, что жили-были.

3

Кто жил, оставляет след –
в цементе ли, на воде,
в эфире, которого нет,
на облачке – да везде!

А след означает одно,
что землю и ты топтал.
Играл ли в кино, в домино –
потомкам послал сигнал,

что все-таки жил и был
каков уж ни есть – таков,
вину виноградную пил,
прослыл среди учеников...

И это не сказка – быль.
И ей за двадцать веков.

* * *

Неприятный взгляд
неизвестного мне человека –
от прикрытого века,
от века, который для смеха
проверял, как легко
брата мог отоваривать брат.

Чем я мерзок ему
или попросту неприятен?
Ну не слишком опрятен –
от пятен вины и заплаток
на подержанной коже...
И сам-то себя не пойму.

То ли я это я,
то ли кто-то уже нереальный,
виртуальный
и этим нахальный,
и строгого враг бытия.
Это чувствует он.
Бытию от меня нет прибытка
(и убытка хотя),
но меня, болтуна, недобитка,
ненавидит заранее,
ибо для счастья рожден.

* * *

Поклонницам моим под девяносто.
А объясняется все очень просто:
я говорю о том, что внятно им,
а не визжащим и кричащим «Вау!»,
и не понявшим время как облаву
и право поскулить, как я, таким.

Инсульт одолевая Паркинсоном,
живут поклонницы во сне бессонном,
но слышат вдруг утешные слова,
что жизнь уйдет, как облетает осень –
спокойно, а потом ударит оземь
зима, и там, глядишь, до Рождества...

А с Рождества авось до Воскресенья
до Светлого дотянем. И спасенье
пообещают всем, кто в храм пришел.
И если крест на всяком и на каждой,
повешен ли, поставлен – разве важно?
Зато как будто даже не тяжел.

* * *

Любую, пробегающую мимо
собаку замечаю. И к любви
готов. Хотя любовь неуголима
и не взаимна, сколько ни зови.
Тут косточка в горсти необходима...

И вот хотя бы для одной собаки
я косточки добуду. Потому
и ждет она меня в квартирном мраке,
хвостом виляет мне, как никому.
Что понимает? Так и не пойму.

* * *

В женской стране я был только туристом,
увидеть стремился я,
где в этом гипсовом, мраморном, льдистом –
где там у них полынья.

Эти ворота в сады наслажденья,
в потерянный сдуру Эдем,
к тайне бессмертья и сотворенья...
Проводником был – Роден.

Некий еще нашептал мне ценитель,
на что поглазеть еще.
Только любовь, объяснял Учитель,
было же с ней хорошо?

Все! Я из этой страны уезжаю,
набит впечатлений вагон.
Стайка старушек, меня провожая,
потчует пирогом.

НА НОЧНОМ МОРЕ

Мелкое море. Пляжная гать.
Пустеющий зной степей.
Буду и это потом вспоминать –
чем дальше, тем все светлей.

Наши почти безотчетные дни
в прогалах вселенской тьмы,
где мы как будто с тобой и одни,
хотя не одни и не мы.

Буду все чаще потом, потом
прекрасными числить их.
В прошлое мчащийся Фаэтон
пусть заберет хоть двоих.

НА КРАСНОМ МОРЕ

Перестал за рыбками гоняться.
Это что-то новенькое, братцы.
Раньше было – не поднять лица
из волны волнующей, что крови
столь близка. А брассы там и кроли
не могли насытить до конца.

Хорошо проплыть среди кораллов –
в форме текста Торы ли, Корана,
Ветхого Завета или Вед
и за золотой по виду рыбкой
устремиться... Но сейчас с улыбкой
говорю: и в этом счастья нет.

Просто – вовсе нет его на свете...
Бросив невод, сам попался в сети
и, как в ските, умер мой отец.
Мамка – у разбитого корыта,
хоть его латала деловито...
В общем – съешьте рыбку, наконец!

* * *

Когда ты с землею близко –
на пляже ли, на лугу, –
лежишь безо всякого риска
упасть во вселенскую мгу.

Что здесь, под тобой, не знаешь,
не ведаешь, что над тобой,
и только глазами стреляешь
под купол цветной цирковой.

Там много воздушных гимнастов
и тучек смешных золотых.
А здесь под тобой, под настом
ракушек и галек литых,

травы и подзола – здесь черви
и мелкие гады. Они
не хуже чиновничьей черни
съедят и последние дни,

когда еще будет сознание
искать с чужеродным родство.
Нет цели в Его мироздании,
понятной создателям Его.

* * *

С трудом понимаешь, что все изменяется в мире,
что пыли все больше в оставленной людям квартире,
что порвана в лире струна, и что звук уж не тот,
и нужен от жизни бессмысленный антидот.

Какой – не сказали, но на́строга наказали:
по шпалам, по шпалам... И вот ты опять на вокзале,
где нужно прощаться, махать на прощанье платком.
Любили... Простились... А все это было о ком?

* * *

Если я не умею еще умирать...

А. Саед-Шах

То заснуть не могу никак,
то от сна оторваться невмочь –
там я вижу людей и собак,
что вернулись ко мне в эту ночь.

И роса на ресницах дрожит
после ночи, продленной чуть-чуть...
Я пока не умею не жить,
но и этому научусь.

* * *

То ли ветер, то ли дождь...
Ты, конечно, не придешь
в жизни никогда.
Этот за окном галдеж –
просто суета.

В нем почти не слышно слов.
Грузный небосвод суров.
Сумеречен свет.
Тленом тянет из углов,
хоть углов там нет.

Но волнуются всерьез
ветки кленов и берез,
словно ты вот-вот
явишься с охапкой грез...
Или – дождь пойдет.

**ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО ЖИЗНИ**

* * *

Наши путешествия по жизни:
по местам ее и возрастам... –
сколь безразличны отчизне,
столь познавательны нам.

Наши путешествия по жизни:
от одной любви и до другой... –
со стороны-то капризны,
да обернутся судьбой.

* * *

Ребра Иисуса в небе весеннем –
вот и воскрес опять.
Облако это блазило спасеньем.
Не надо бы разгонять!..

Было, как вера, оно эфемерно,
Впрямь, как печаль, светло...
Осталось любовью спастись, наверно –
меньшее выбрать зло.

* * *

Я никогда не ездил на слоне...

Г. Шпаликов

В детстве во сне я видел только слонов
и звали их всех Люлю, как в прочитанной книжке.
Родители так считали.

Но больше снов
было о скрытном, женском. И мне, врунишке,
казались они волшебнее сказки, но
стыднее кино. И когда «Что видел во сне ты?»
спрашивали меня, отвечал одно:
«Видел Люлю!» – и отстаньте, и хода нету
туда, в потаенное...

Это я из сейчас.

Ну а тогда открывался мне мир прекрасный –
с первого слога любви...

– Лю-лю-лю... – не раз
я отвечал по ночам на допрос пристрастный.
Сколько же обещал этот слон Люлю! –
на фоне совсем безоблачного, голубого
неба, которое вновь добавляло blue
в это простое, двусложное это слово.

Больше уже не вижу слонов во сне.
А наяву повидал и поездил малость.
Вроде бы сны сбылись.

Отчего же мне
хочется возроптать и завывать под старость?

* * *

Девочка, вот я тебя теряю.
Так теряют зрение, видать:
черточку за черточкой стирая,
будет время пятна оставлять.

Так теряют слух: все глуше, глуше
будет раздаваться голос твой –
там внутри, в кишках, а не снаружи,
где часы начнут смертельный бой.

И вот так теряют осязание –
значит, так: одним рывком...
Ты подаришь мне такое знание –
сразу стану мудрым стариком.

ДЕВУШКА БЕЗ ВЕСЛА

Признавай предназначенье:
расцвести, родить, растить,
увядать без промедленья
и неверной жизни мстить.

Для того ль упруги бедра,
кожа нежная бела,
чтобы ты рожала бодро,
ражей матерью была?

Чтоб возникшие из лона
сладостного твоего
повторяли неуклонно
краткой жизни торжество?

И не думали о смерти,
сторонясь дурных вестей,
и рожали в круговерти
смертных маленьких детей.

МОЛИТВА СТАРОГО АДАМА

Боже, зачем Ты женщин после трехсот тридцати
делаешь немолодыми, не трепетными в итоге?
Отче, Ты, уж конечно, дерзость мою прости,
но – эти лица, груди, задницы, ноги!..

Ты ж по своему подобию всех нас сотворил
(мужчину и женщину – с ребром, извини, сомненье).
Столько придумал тонкостей! Столько потратил сил!
И после всего – такое преображенье!

Помилуй! Как с этой Евой снова ложиться в кровать –
старому и ленивому – чтобы снова
любить ее, рыбкой-ласточкой называть.
И знать, что ей нигде не найти другого.

* * *

Весь этот ужас тела
Ахматова хотела
преодолеть при помощи других
не столь ужасных тел.
А мне какое дело
до этих тел, не слишком дорогих?

Я сам свое несу
к земле, столь не брезгливой,
что принимает всех, берет в себя...
Вместилища души
с их прелестью потливой,
с пустой потугой выжить не любя.

* * *

Лишь распятого Бога
славят стены церквей,
где и тесно, а все-таки пусто.
«В городах слишком много
похотливых людей», –
это Ницше сказал Заратустра.

В городах слишком мало
матерей и сестер,
слишком много Лолит в лотерее.
И почти не бывало
с незапамятных пор
тех, кто старше тебя и мудрее.

Но давно понимаешь:
не сбежать никуда –
пойман их электрической сетью.
И пока причитаешь:
«Города... города...», –
сгинет целое тысячелетье.

Ø ДАНИЯ!

Н. Петрову

1

Земля, где звенят падающие на стоянках велосипеды,
где женщины ездят на них с черными от колготок ногами,
где хоть и не празднуют этот наш весь День победы,
но где ни одного еврея не сдали сами,
где в городском канале цветут под водой медузы,
где бегают все трусцой во дворе королевского замка...
Если б ее отжали какие-нибудь зулусы, –
мне было б жалко!

2

Ваш язык нам ни к чему –
где он может пригодиться?
Что он сердцу и уму
даст – за датской, за границей?

Сказки умные читать? –
к сожаленью, поздновато.
Ну, со шведом поболтать –
тоже славные ребята.

Наш язык – к чему он вам?
Взяли б, разве, слово «велик».
А другие – типа там
«Горби», «гласность» – устарели.

Как – взбодrivшее весь мир –
утонуло слово «спутник»,
а позднее – и слово «Мир»...
И осталось – «Ху из Путин».

3

У датчан есть перечеркнутое О.
Это, в общем, – не пойми чего.
Чтоб понять, на собственное имя
наложил черту – и стал Øлег...
Вот и вышел øбреченный челøвек,
знаками дøрøжными хранимый.

В НЬЮ-ЙОРКЕ

Не возжигая свечи, блюду ритуал:
вечных дымком кормить.
Я закурить человечеству чаще давал,
чем оно – прикурить.

Раз на нью-йоркском Бродвее, его увидав
чуть ли не целиком,
я ощутил, что владею десятком прав –
и шумнул коробком.

Хоть не заметит оно, как уверенно я
с Брода сверну во тьму,
не откажу все равно в горьком дыме ему –
пусть окликнет меня!

НА СВ. ЗЕМЛЕ

1. ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Ходят евреи важные
и – я верю! – отважные.
Важные – в шляпах,
отважные – в хаках.
Но в основном, смотри,
все в кипах – киппари!

2. НЕТАНИЯ: ПЛЯЖ-КЛУБ

Резкие еврейские старухи
увлеченно семечки грызут,
но порой высвобождают руки,
чтоб услышали их правый суд –
обо всем, в чем точно виноваты
злые люди и жестокий Бог.
Голоса их хриплы, сипловаты.
Не один старик от них оглох.
Речи беспрерывны, но друг друга
как-то слышат, отвечают в масть.
...Ты жива еще, моя старуха,
вот и мне б с тобою не пропасть!

3. ГОРОД ТРЕХ РЕЛИГИЙ

Все ж сфотографировать Иисуса –
не получится. Не хватит вкуса
прозреть его среди живых.
Что же щелкаете, глядя в оба,
каждую подробность в Церкви Гроба?..
Как на свадьбе – да исчез жених.

Может, иудейская удача? –
где-то здесь он – за Стеною Плача, –
где собрался с Духом молодцом.
Этого боятся мусульмане,
вот и не пускают на собранье
тех, кто в шляпах и суров лицом.

Кто в бейсболках – не пускают тоже...
Этого ль хотел, Единый Боже! –
Авраама выбирая для
цели – чтобы выжила Земля?

4. УГРОБА ГОСПОДНЯ

Иерусалим похож на провинцию, где я жил:
холмы, да деревья хвойные,
особый режим
у каждого района и так же шершавы дома,
и этот горсад Гефсиманский – опасность и тьма.

Из-за любого куста – Варавва, а если с ним
вдруг разберусь на славу,
  шлет неусыпный Рим
(а Первый ли, Третий – не важно) на встречу со мной
центурионов своих, не разращенных казной.

Как хорошо в провинции: рынок, застенок, сад –
рядом совсем! А Понтий – ну, в белом плаще – Пилат
выпрастывает из ванны благоуханный зад,
к народу идет – вот странный начальник, впрямь демократ.

Здесь все очень близко,
  все мы – знакомцы, тусня, родня.
Зачем же по списку слизняк вызывает меня?
И – значит, на дыбу, и значит – тюрьма и расстрел...
Но нет, не меня – я родиться еще не успел.

Но, кто до меня и навеки уже при Тебе,
недолго понежились в жвачном вертепном тепле.
А после Тебя – о, такое пошло-понеслось!
На градус в столетье земная смещается ось.
Так что это было? И что же никак не сбылось?

5. НА ИЗРАИЛЬСКИХ УЛИЦАХ

Малая родина и большая
здесь совместились, меня лишая
всяческого скептицизма.

Эти солдатики – парни, девки –
патриотичные не по-детски,
выше сион -, коммунизма.

Даже и те, кто не вышел ростом,
служат на вырост – все очень просто:
землю свою защищают.

Тоненькие – хоть не все надолго,
пушка на плечике, чувство долга...
Бог наперед их прощает.

БЕРЕГ АЗОВА

А. Головкову

Создатель прекращать не хочет
творенья акт – гремят грома,
но нет дождя. И красный кочет
пытается сойти с ума.

Не получается и это.
Тут ничего не завершил
Творец – лишь отделил от света
тьму сине-облачных вершин.

И абрис берега нечеткий,
и море – плоское, как пруд, –
оставил Он для доработки
Адамам, поселенным тут.

Чтоб белоснежными дворцами
стояли в море корабли...
Чтоб голубыми изразцами
у моря храмы расцвели...

Но не торопятся Адамы
Отцу потрафить своему:
уж коль изгнали из Эдема,
то нам эрзацы ни к чему.

НА КАЗАНТИПЕ

Одинокий сейнер вдалеке.
Сердце от тоски на волоске:
отчего такой он одинокий.
Рыбы мало – вся она в оброке
браконьера с неводом в руке.

Что мне сейнер? Что мне браконьер?
Я вот без лицензий, например,
смысл ловлю из языка родного.
Знают все: вначале было Слово.
А сейчас – мычание химер.

И молчанье чующих сурово,
что предложат им на их размер.
Ну а сейнер ввысь ушел толково.
Он вернется из небесных сфер.

БОЛГАРСКИЙ МОТИВ

Оставьте человека, който няма какво да ви каже...*

Г. Борисов

Оставьте человека,
пожалуйста, в покое.
Пускай он не Сенека,
но думает такое –
о чем и сам не знает...
Пускай себе за пивом
сидит, по горло занят
вопросом справедливым:
о смысле жизни нашей
и о наличии Бога.
Оставьте с этой чашей –
там есть еще немного.
Вдруг да поймет, допивши,
сокрытые основы
и на скрижаль допишет
два-три заветных слова.

А если в ту калитку
и он пролезть не сможет,
хотя бы за попытку
оставьте его все же
на свете, где сквозная –
от бряга и до берега –
проходит мысль, спасая...
Кого прошу, не знаю –
оставьте человека!

---

* *Оставьте (в покое) человека, которому нечего вам
сказать (болг.)*

* * *

Ю. Уварову

Общение с другим поэтом
всегда наполнено светом –
пускай и в крошечной тьме.
И даже плевать при этом,
в каком ты сидишь дерьме.

В тюрьме, во внутренней?.. Все же
идет, как мороз по коже,
в постылую стенку стук –
из камеры, где, похоже,
сидит незнакомый друг.

Он знает язык твой. Это
существенная примета,
что где-то и третий есть.
А трое – уже победа
и прочим благая весть.

* * *

Родня моя не любила моих стихов –
не находила пушкинской ясности в них,
складности плавной и милых таких пустяков,
вроде мгновений чудных или зверей чудных
(типа котов ученых)...

И только одна

бабушка

все пыталась меня оправдать:
по доброте душевной внучка записала она
в новые Маяковские –

подпись, печать.

Бабушка, не сердись, но ошиблась ты –
не сочинил твой внучек

подобного ничего

«Флейте...» и «Облаку...»

И чересчур просты

образы, ритмы и бедные рифмы его.

Жаль, и они

для многих сейчас

темны –

не то что Владим Владимыча агитслог.

А краснокожую ксиву

засунул он в те штаны,

что были на облаке...

Бабушка, я б не смог!

НА АЛТАЕ

М. Короткову

1

Где - то там Катынь,
ну а здесь – Катунь.
Перед ней застынь –
каждый миг застань.

Как застыл тогда
у катынских ям,
где лиха беда,
да лесок упрямя.

Ну а здесь, а здесь
так чиста вода,
словно мир наш весь
Божий навсегда.

2

А еще тут рядом *Шамбала* –
туристический отель.
Милость свыше корешам была?
Иль пургу гнала метель?

Все, что Словом вызывается
к новой жизни на века,
омертвляется, взвивается
сладким дымом шашлыка.

Вот вам и страна заветная:
горы, водка, шашлычок.
И сверкающий за ветками
серебра живой пучок.

3

«Рулите выше – все равно снесет», –
вещал Толстой. А тут – как ни рули...
Лет до двухсот бы надо, до трехсот
сначала изучать словарь Земли,

потом уж предложенья предлагать
тем силам, что составили его.
А это – лет пятьсот еще, видать,
и дня не пропускать ни одного.

И значит, лучше сделаться горой
Белухой, порождающей Катунь
как вечный текст – вскипающий порой,
студеный, пылкий и седой, как лунь.

* * *

Тучна египетская ночь.
Стоит в пустыне пирамидой.
И видел я – она точь-в-точь
нагромождалась над Тавридой.
Над бледной родиной моей
сливалась с дымом и гудками.
И над Европой рой огней
лепился к ней, но падал в камни
и разбивался. Эта тьма –
египетское наказание!
Полны вселенной закрома
лишь ею. Мы едим глазами
ее десятки тысяч лет –
земные звери, люди, птицы...
В ней можно только раствориться
или, оставив темный свет,
сгореть и сладким дымом взвиться
туда, где даже ночи нет.

В ХУРГАДЕ

Голубая Лагуна, ты меня обманула:
что еще в моей жизни было столь многоцветно?..
Я поймал акулёнка – где мама-акула?
Облака разгоняла пальмы палая ветка.

А другие от ветра тростником пеленали...
Я вернулся сюда, чтобы все повторилось!
Но года промелькнули и на биеннале
экспозиция полностью переменялась.

Это милость, что вновь посетил я... Спасибо!
Дважды нам не войти в то же самое море.
Но хотя бы в том море поплавать, как рыба,
и руками махать – как бы с крыльями споря!

КЛАССИЧЕСКАЯ ВАРИАЦИЯ

На свете, к счастью, есть порой и море.
Вновь посетив, решаешь, что в фаворе,
что это пенное – вот Бога борода.
А вцепишься в нее – горит на воре
купальной шапочки святая простота.

И вот по воле волн уже взлетаешь
и мир иной на время обретаешь,
которое пока осталось у тебя.
Так может еще женщина, – но та лишь,
что любит, мучая, и мучает любя.

ИСПАНСКИЙ МОТИВ

Тили-тили-тестостерон.
Инезиля, быстро на балкон!
Дон тебе такое споет –
доведед до колик живот.
Между вами будет любовь.
(Между нами: мог быть любой).

БЕС И РЕБРО

*Девять размышлений на пляже
после перелома шестого ребра*

Памяти Н. Олейникова

1

Ну, чем мы виноваты, что имеем
различья половые?
И скрыть их друг от друга не умеем,
пока еще живые?

Поэтому-то, господа и дамы,
мы все безвинно грешны.
Зато эти различия с годами
стираются, конечно.

2

Вот девы стройные, вот тетки
огромные... Но где же, где
те женщины, что на обертке
чулок и книг о красоте?

Их нет, как нет. И девки сразу
готовы в тетки перейти.
И уж страшны мужскому глазу,
как эти – Господи, прости!

3

Зачем сломали мне ребро?
Как будто кто-то из него
чего-то сделать вздумал,
все подготовил и «Добро!»
сказал. И что? И ничего:
души не вдул и дунул

куда-то прочь... Сижу, забыт,
один – ни Евы, ни Лилит,
ребра при этом – тоже.
И море, как меня, знобит,
но Бог нам слиться не велит...
Немилосердный Боже!

4

Волны рождают чаек,
чайки качают волны...
Я-то, конечно, чайник,
но не пустой, а полный.

И – не одной водою,
много во мне содержанья.
Дайте побыть с собою,
не доводя до вскипания –
музыкой громогласной
из джипов, кафе, палаток...
Чайки глядят с опаской
на нынешний миропорядок.

5

Кто там стилем вольным
плавает смешной?..
Рассекает волны
скутер водяной.
Он прервет заплыв твой,
огненный пловец!
Рассечет, как бритвой,
ребра и крестец.
Чтобы не случилось
этакой беды,
выйди, сделай милость,
пьяный из воды!

6

Сменяются с годами нормы
и гарцеванье – возлежаньем.

Все реже поражают формы
жиров высоким содержанием.

И кажется, что эти нецки,
вздвигающиеся на пляже,
щекастолицы по-детски... –
милы и гармоничны даже.

7

Если на меня садятся мухи,
неужели я совсем говно?
Но друзья к моим сомненьям глухи –
им смешно.

Ну а я перед Творцом в ответе:
замысел его – в потемках нить...
И пускай уж лучше мухи эти,
чем червей кормить.

8

Когда уже загорать не хочется
и в море входить лень,
печально ждем, когда день закончится –
еще один, вырванный у одиночества, –
большой многотрудный день.

9. ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР НА НОЧНОМ ПЛЯЖЕ

– Хоть красивый ты и добрый,
но по жизни инвалид:
у тебя болят не ребра –
у тебя душа болит.

– Инвалид я незаметный –
по рукам и по ногам.
И души моей бессмертной
за поллитру, хоть и бедный,
вам, рогатым, не продам!

2012

* * *

В 55 лет получил комплимент,
что плаваешь ого - го.
Ну, это потому, что он интеллигент
и спорт – не область его.

Вот если б сказал то же самое он
о строчках твоих, – как бы рад
был ты! А также польщен и смущен –
не важно, что он технократ.

Поддержка жизни твоей от людей
нужна, как под старость жена,
и тут уж – хоть яблом, хоть кролем владей,
хоть водку пей допьяна.

АЛКОГОЛИЧЕСКОЕ

Мгновенья счастья, причастные алкоголю,
ведут к семейному горю.

Но в эти мгновенья приходит то, что
в другие не встретишь точно.

В голову лезут светлые мысли –
к примеру, заныкать грамм двести,
и возвращаются те, что зависли
с прошлым похмельем вместе.

Чтобы их снова поймать и снова
вдруг испытать озаренье,
требуется не так уж много спиртного,
кореш – иль уединенье.

В споре с другом рождается столько
истин! А в споре с Богом –
вообще немерено! Сбитый с толку
топчется Он за порогом.

Вот, например, я спрошу по пьяни,
значит, Творца Вселенной –
а кто ж Его сотворил?.. В тумане
Он лишь разводит длани.

Или, конечно, задам о смерти
каверзные вопросы
и дерзко гляну сквозь дым папиросы
А Он – только: «Верьте! Верьте!»

Верю, Он любит меня, уважает,
хоть мордой об стол, а все же
до дому бережно провожает –
благодарю Тебя, Боже!

И разве не Ты мне припас на утро
бутылку холодного пива?!.
В общем-то мир Ты устроил мудро...
Кто тут до следующего утра? –
всем счастливо!

* * *

Закатное солнце красивей любого другого.
Его провожают индийцы и дивы Азова.

Где личности нет – есть всеобщие солнце и море,
в привычности бед – никакого отдельного горя.

Вот день догоревший до уголька проводили
и сели, конечно, на скутеры, в автомобили,

на велосипеды и – в ночь, что опустится вскоре
и здесь, на Азовском, как на Аравийском, море.

Куда от нее? Не лететь же на запад все время!
Принять забытье? И во тьме раствориться со всеми?

Но только сперва доцедить эту чашу до донца,
ведь нету прекрасней земного закатного солнца.

В ГОА

Медитировали на закат...

Я уж в том, конечно, виноват,
что при этом и курил, и пиво
попивал. Но – скромно и счастливо.

Долго море было золотым,
точно тучка – над его литым
зеркалом. И скутеры стояли,
как в кустах блестящие рояли.

Вот сейчас погаснет всё и все
пó двое на каждом колесе
по своим разъедутся фавелам.
Ну а я займусь любимым делом –
оставлять, что видел, насовсем.

* * *

Волны света сквозь волны моря
омывают волны песка.
Я отсюда уеду вскоре –
чуть подольше, чем на века.

Льется солнце во все сосуды,
море выплеснется вот-вот...
Если здесь никогда не буду –
что иное меня зовет?

СТИХИ
14 года

ВСТРЕЧА 2014-го

Часы протекают. Их капанье невыносимо.
А время-то где? То, что было, прокапало мимо,
как дождь, – стороной. Все равно – и над той стороной,
которую ты по привычке считаешь страной.

И люди проходят, как дождь, и втыкаются в землю,
как капли дождя. И нелепо роптать: «Не приемлю!».
Смешно заклинать: «Лишь бы не было ливня!», – когда
в сырую мать-землю не впитывается вода.

И ночь за окном. Сторона твоя тьмою объята.
И так она краше, хотя все равно неопрятна.
Вчера подморозило вроде. И стылая грязь –
с иными годами запечатленная связь.

* * *

Все меняется не очень...

А. Межиров

Лишь мерещится, что не меняется, –
все меняется в это мгновение.
И не только жизнь удлиняется,
укорачиваясь тем не менее.

Как-то волны идут по-другому,
чем вот только что – рябь в телевизоре.
А выходишь с Бодлером из дому –
глядь, цветочки-то
в ягодки вызрели.

* * *

Как всем житейским утомлены!
Жалко их – пусть помирают.
Ведь никому же они не должны
грузное тело свое и жены
влечь, к скоростям примеряя.

Их обгоняют джипы, «Пежо»
и безлошадная молодежь.
Им бы на печке сидеть хорошо
и знать не знать никаких «Ив Роше»,
а вспоминать серп и молот.

Молот наотмашь их бил, а серп
тоже – серпом по яйцам.
И до того каждый третий ослеп,
что видел Богом насущный хлеб...
Что ж, воздадим страдальцам?

* * *

Как же нас все-таки жалко! –
из тьмы непроглядной прущих во тьму.
Холодно нам или жарко –
ни жарко, ни холодно никому.

СЕЛФИ

Люди на расстоянии
вытянутой руки
снимают самих себя –
в сквере, у ресторана и
холмика, где венки, –
дурачась или скорбя.

Алиби обеспечивают,
что находились здесь,
и с точностью до минут.
С виду такие беспечные,
точно Благою весть
сами себе несут.

* * *

Уходят простые утехи, сжигают мосты –
попробуй-ка прыгнуть в сугроб прямо с крыши сарая!
А раньше бывало – не ты ли? Хоть, может, не ты –
где тот, кто косился на прыгающих, замирая?

Но точно уж ты с волнорезов и скал сигал,
потом догонял эскадроны мальков серебристых...
Попробуй нырни... Получилось!.. Но где тот шквал
восторга, который всю жизнь вспоминают артисты?

На сцену и ты выходил, и стучало в груди,
и если в ответ возвращалось биенье из зала
(хлопками всего лишь), – казалось, что там, впереди,
и подвиг, и доблесть, и слава... Пускай показалось.

Другие утехи утешить тебя спешат:
уют одиночества, welcome!.. Come in... И собака,
которая тоже не любит скалистый ландшафт
и больше лежит, но всегда ожидает знака.

* * *

Соучастники преступления
заповеданной той черты,
у которой стоят растения,
чьи намерения чисты.

Соучастники жизни суетной:
вздорной, мученической, дурной, –
куда только свой нос не сунете,
там уже побывал другой.

Все, что делаете и не делаете,
кто-то делал-не сделал до...
И со всеми вину разделите:
всем – пожизненно, лучшим – УДО.

* * *

Неба – много...

Мая, 2 года

Больше всего на свете, конечно, неба,
потом – океана, и только потом – земли,
к тому же с озерами-реками... И нелепо
думать, что царствовать здесь
мы навечно пришли.

Сначала должны были – ангелы, демоны, птицы,
за ними киты и дельфины – они умней.
Но власть не умом сильна. И не может длиться
правление разума три миллиарда дней.

Вот так и пришли приматы – а чем богаты?
Хитростью, жадностью, злобностью
к братьям своим...

Надежда опять на дельфинов и на пернатых,
если моря и небо мы не спалим.

КРЫМ. ИЮНЬ-2014

Многослойны, как сознание,
в крымском небе облака.
Хоть гроза на мирозданье
не обрушилась пока.

Но батальные картинки
и на небе, и внутри
возникают без заминки –
лишь замри и посмотри.

И поймешь: гроза, бушующая,
обещает ураган –
на потеху всем буржуйам,
пролетариям всех стран.

Ни на миг не прерывалась –
разве только стороной
проходила. Низвергалась
над чужой уже страной.

И сурово брови хмуря,
пели Родины сыны:
«Пусть сильнее грянет буря!
Лишь бы не было войны!».

* * *

Болконскому надо было нарваться на ранение,
чтобы увидеть небо во всей его крутизне,
ну а тебе достаточно спокойно более-менее
без сильной волны и ветра поплавать на спине.

Безухову надо было в сражение очков лишиться,
чтобы убедиться в бессмысленности войны,
ну а тебе достаточно взглядеться вот в эти лица –
тех, кто войну развязывает, как тренировочные штаны.

Раскольникову надо было после старухи грохнуть
еще и Лизавету – чтоб осознать вину,
ну а тебе достаточно попросту не оглохнуть
и слушать, как соблазняют незрелую эту страну.

* * *

Молодые мужчины и толстые тетki в купальне
оскорбляют тебя беспардонным соседством своим.
Все подвластно одним – даже если с гнильцою парни.
Все сгодится другим – ими ты все корыстней ценим.

Только то и трюндят, что твердили их бабки и дедки, –
те же глупые мудрости – прошлых свершений оплот.
А в слоновьих ногах копошатся их мелкие детки,
чтобы дальше продолжился этот круговорот.

Не завидуй самцам молодым, предназначенным телкам, –
проходил, проползал – мало толку от этих усад.
А уж если кому и завидовать – толстым теткам:
назначенье исполнено и на столе салат.

И хорош причитать о жизни, короткой и тленной,
и срывать на ней, сокровенной, азартную злость.
Надо как-то бы заполнять пустоту Вселенной...
Некоторым – удалось.

* * *

Мешают другие люди людям другим:
и голеньким не походишь в палящий зной,
и даже не переправишься в этот Крым
без очереди очень многочасовой.

Но также известно: людям нельзя без людей.
Хотя один раз получается – лишь в конце...
Ну вот я и вспомнил опять о своем отце...
Потом и о матери вспомню, дитя-злодей.

* * *

Почему-то к морю спиной,
почему-то лежим вот так –
здесь, на пляже, где ты со мной:
снова вместе – замри, дурак!

Не веди свой пацанский счет,
сколько ты окунулся раз.
Хоть стихия, что нас влечет,
все же больше пугает нас.

* * *

Он долго терпел, но терпелке Его конец
пришел – и трындец всем нашим на жизнь надеждам:
что тихо-спокойно умрем в умиленьи сердец
и, типа, обид на мироустройство не держим.

Но держим, однако, – за пазухой, у соска.
И если по-первости жизнь бесконечной казалась,
то нынче *мгновенья, как пули, свистят у виска,*
как глупый поэт написал, и на сердце – жалость.

ИЮЛЬ–АВГУСТ 14-го

1

Памяти пассажиров «Боинга»

У самолета морда дельфина,
знает, куда плывет, –
умница! – в Турцию или Афины
и Украины в облет.

В сине-прозрачном над облаками
есть высоты запас...
Мы не отводим беду руками,
коротки руки у нас.

2

– Сколько еще осталось таких вот лет,
августов вот таких,
когда ты из лета в Лету?

А Он в ответ:

– Вспомни и о других.

– Другие? Пожалуйста... В августе – Гумилев..
В Прагу танки вошли...

Путч... И «Нахимов»... И «Курск»...

Череда катастроф

СССР и Земли!..

И новая – нынче...

И вновь теряет листва

всю свою зелень и

уже не избавится от серебра голова...

– Ну, вот и склони!

– Склонял и спрягал – никакого прибýtка нет
ни в ней, ни в душе...

И август кончается, словно весь этот свет...

– Не бойся – уже.

ЗОНА ОТДЫХА В ПОДМОСКОВЬЕ

Все сварганено тут по-быстрому:
пристань, мостики, катерок.
Ненадолго украшен листьями
лисий августовский лесок.

Ненадолго и то рассчитано,
что на пляжике солнца ждет.
Но хозяин – такой рачительный –
отслужившему цель найдет.

Даже тем, кто исполнил главное –
продолжение жизни здесь –
и валяется...

Православные!

Вон в той церковке обезглавленной
ждите к маю благую весть.

* * *

Август – авгур, златоуст...
Я-то живу в октябре.
Павших листочков хруст
будит меня на заре.

Много листочков порвал,
больше в тетрадках сушил.
Если кому-то и врал,
то сам себе – от души.

Август блазнит, злодей:
солнце щекочет траву, –
вроде бери и владей...
Но я в октябре живу.

* * *

Возрастает значенье скамеечек –
чтоб присесть на них и подумать,
сигарет или даже семечек –
чтоб небрежно так плюнуть-дунуть.

Типа этим и занимаешься,
а не маешься о прошедшем,
в том, что сделал-не сделал, каешься,
но не кажешься сумасшедшим.

* * *

Кто поседел, кто польсел.
Так в Средней нашей полосе
готовятся к зиме
мужчины тоже средних лет:
снег зазывают, дразнят лед,
сияют в полутьме.

Вершат существованья труд.
А долго ль, коротко живут,
стареть умеют враз.
А те, кто не сумели, – пусть
на ближних не наводят грусть
и просят *там* за нас.

EXSISTO*

* * *

Считал калории, снижал холестерин,
суфле и супчики себе готовил сам.
А перед сном сонеты мастерил –
венки их засыхали по углам.
И оплывал со свечки стеарин.

А по утрам – опять круговорот:
пробежка, пшенка, посещение докторов...
Но если все же от чего-то он умрет...
и если кто-нибудь его переживет... –
найдется примененье для венков.

* * *

Некрасивая дурочка Любочка
заявилась счастливая в класс.
На парней покосилась с улыбочкой
и учебником увлеклась.

Много разного пишут учебники,
да не то, что узнала она.
И ушла в середине четверти –
сильно сделалась вдруг больна.

* * *

Сижу среди гастарбайтеров у пруда,
загаженного теми ж гастарбайтерами.
И одноразовая их посуда
полна обиднейшими мегабайтами.

И от ток-шоу с ними нету толка –
ну, если только лишнего помучиться.
Устраиваться в жизни ненадолго
нет смысла, а надолго – не получится.

* * *

У меня был фокстерьер.
У него был экстерьер.
Если бы не экстерьер,
был бы он не фокстерьер –
шпиц какой-то, например.
Но соседи-ксенофобы
отравили и его бы.

* * *

Каждым суждением, каждым движением
«Тот!» – утверждает Федот.
Все, что относится к обыкновеньям,
к медленной смерти ведет.

Но и к бессмертью!.. Федот родился
точно таким же, как тот,
и для того же стране пригодился.
И так же в запас уйдет.

* * *

Ходят, улыбаются
сами себе.
Видно, все сбывается
в жизни и судьбе.

Улыбайтесь, милые –
потаенно, искренно...
Все, что дальше, – вилами
на воде написано.

* * *

Надругательства над женским телом
совершают сами женщины:
потолстеть – чтоб больше не хотел он,
паразит и деревенщина.

Чтоб не лыбился, не зарился
местный Крез – бандит, ворюга.
Чтоб ботаник делом занялся,
вылезая из фейсбука.

Чтоб самой себя не жалко –
уж на что такой надеяться?
Но в объятых полушалка –
хоть зима, а что-то жарко.
И в окошко-то из парка –
кто-то пялится. И целится.

* * *

Нас привлекает пустота
меж стройных женских ног.
И у вселенского хвоста.
И та, что между строк.

И все из этой пустоты:
планеты, жизнь и звук,
которого не слышишь ты,
но – вдруг...

* * *

Единственный способ при жизни
поплавать в небе –
чутко полежать на воде.
Без суетных мыслей о зрелищах и о хлебе,
с капустой морской в бороде.

О, как ты торчал из глади – очками, носом
и той же своей бородой!..
Очки улетели, а тело, оставшись с носом,
уходит к земле под водой.

* * *

Тень моя – к вечеру длинная –
больше нравится мне,
чем отраженье рутинное
в зеркале или окне.

С детства до заматерения
злился, что выгляжу так...
Все-таки преобразование
необходимый акт.

* * *

Люди с амбициями неприятней
тех, кто без них совсем.
Люди с амбициями неприветней –
спрашивают: зачем
вам это нужно? А нам не нужно,
просто мечталось так,
чтобы все жили мирно и дружно:
умный, дурак и дурак.
Каждый по-своему Господа славит,
каждый хоть в чем-то прав.
И никого-то Господь не оставит,
вовремя подобрал.

** (лат.) выступать, выходить, показываться, появляться,
происходить, следовать, вытекать, обнаруживаться,
существовать и проч.*

ОКТЯБРЬ 14-го

Вновь отражается небо в асфальте,
в зеркале тонут листья.
На бабье лето надежду оставьте –
ладно, хоть осень длится.
Все исчезает обидно и быстро.
Тихо и все же быстро...

* * *

На исходе шестого десятка
все мне хочется, чтобы сладко,
ну а горько – лишь иногда.
Чтоб детей миновала беда.

На исходе десятка шестого
все еще мерещится Слово,
а не эти слова, слова
без прозренья и волшебства.

На исходе, уже на исходе
в хмари видится что-то вроде
и бессмертья, и детства враз –
все для вас, кто заменит нас, –
полубоги-полууроды,
припасенные Им про запас.

* * *

Еду в поезде ближнего следования.
Прибываю всегда последним я,
потому что последний вагон,
потому что, уж если спешите, – ну
проходите, а мне решительно
наплевать, что приехал он.

Я приехал уже с рождения –
безо всякого предупреждения,
что не ждан и не нужен здесь.
– Ну а кто, – возразите, – нужен-то?
Укорите меня заслуженно...
Выйду в темень – там кто-то есть.
Поджидает меня? Бог весть.

* * *

А когда меня уже не стало –
выработал свой биоресурс, –
мне-то явно поспокойней стало:
ни над чем отныне не трясусь.

Как тут вам? Должно быть, точно так же,
как при мне, – я не влиял никак
на течение времени и даже –
на судьбу родных, друзей, собак.

Лихо все устроено Всевышним,
четко и привольно. Отчего ж
нет меня? Я оказался лишним?..
Впрочем, не люблю я молодежь –
не поговоришь как ближний с ближним –
гаджет в ухе, замуж невтерпеж.

ТРОПЫ МИЗАНТРОПА

1

Когда все человеческое чуждо,
брезгливое одолевает чувство:
и как любить умеет Он таких? –
на птичек божьих вовсе не похожих,
за мясом с кровью лезущих из кожи,
к Его простейшим истинам глухих...

Так любит мать ребенка-инвалида,
на муки обреченного,
                                для вида
освоившего то и даже се:
тарелку, ложку, вилку и мобильник,
компьютер, телевизор, холодильник,
но главное, конечно, – колесо.

И ездят все почти что без опаски
в автомобиле, поезде, коляске...
И догоняют – ну почти что все.

2. МИЗАНТРОПИЧЕСКОЕ РЕМИНИСЦЕНТНОЕ

Я не люблю людей. Природу?
Ну, так – когда по ней гулять.
И точно знаю, что народу
взаимно на меня плевать.

Противны мне народы эти
с фонтаном дружбы их. Зато
застал двух-трех людей на свете,
но те уж в земляных пальто.

Ну, кто-то есть еще... А в целом
мне отвратительней макак
толпа тупых шалав и целок,
хлыщей и пьяных забияк...

О нет, непостижим сознанием
Тот, Кто из глины их слепил,
и, озабоченный созданием,
что получилось, полюбил.

3. МИЗАНТРОПИЧЕСКОЕ ВЗАИМНОЕ

Вы не любите меня? И что же?
Я вас – тоже... Тоже мне народ! –
вы с медузой живота под кожей
или вы в оттянутых до дрожи
трениках, вместилище свобод.

Или – поражающие ширью
жены сразу после тридцати,
как страна родная, что Сибирью
приросла в стремленье к изобилью
и, раздавшись, кончила расти.

Вы меня и дальше не любите –
не червонец я и не герой,
как и вы, весь в суете и в быте,
хоть и стреляный, да мало битый
и какой-то... не поймешь, какой.

4. МИЗАНТРОПИЧЕСКАЯ ПЛЯСОВАЯ

*– Да все вы – недоделанные...
Из разговора в электричке*

Недоделанные люди...
Не по замыслу Творца

эти зенки, рыльца, груди,
ламца-дрица, гоп-ца-ца! –
эти лица без лица.

Мелковатые мыслишки
и потребности телес,
заголившиеся слишком –
в ожидании чудес.

И апостолы такими ж
были – Господи, прости! –
только после новый имидж
вдруг сумели обрести.

Молодцы... А ненавижу
я себя, скорей всего.
Я ведь первый жиже, ниже
робких замыслов Его.

Гоп-ца-ца!.. Так почему же
есть мне дело до иных?
Чем я лучше или хуже,
чтоб еще страдать за них?

Я ведь не пророк какой-то,
сам себя я не распну.
Ждет не крест меня, а койка,
я спокойно в ней засну.

А во сне увижу, кстати,
слава Богу – ничего.
Но, как в черном том квадрате,
будет там все включено.

Будет в этом сне кромешном –
лампа-дрица! – лишь Ничто –
непонятное, конечно,
необъятное зато!

5

Мучительное к людям отвращение –
к крупнорогатым тушам, мелким душам...
Но не к тебе, читатель, без сомнения –
мы наше соглашенье не нарушим.

Ты будешь думать, что все понял, умница.
Я буду думать: выразил, что чуял.
И притулюсь в теньке – на солнце жмуриться,
и ничего шикарней не хочу я.

У ДОМА-МУЗЕЯ ПАСТЕРНАКА

Старушки идут к Пастернаку
(рифмуется это с «однако»),
однако издалека
приехали. Значит, бабушки
не только в картошке-петрушке
погрязли, а чуют века.
Да здравствуют наши читательницы! –
прислушательницы, посетительницы!
И лыко про них, и строка.

* * *

Я понимаю: так много не надо,
вовсе не надо стихов!
Сам для себя сочинял их когда-то –
не Евтушенко, чай.
Ну а потом и себя не стало – был таков!
И то, и то невзначай.

* * *

Запускал стихи сорок лет –
никакого ответа нет.

То ли выбрал не свой не хлеб,
то ли твой получатель слеп.

Ничего ты не выбирал!
Только рифмы в просвет орал –

меж забором и гаражом,
где стояли коза с «Ижом».

* * *

И что же, значит, это жизнь была?
И больше не покажут ничего?
Не спрашивайте, как мои дела –
их больше нет.

А жизни вещество
не исчезает и сгорев дотла.

БЛИЗКИМ

Надоело вас выносить –
схороните меня теперь
по-над речкой, что только нить
на российской карте потерь.

Этой речки как будто нет
и как будто бы нет меня...
Все же свет – Тот и Этот свет,
тихий свет посреди огня.

НОЯБРЬ - 2014

Пруд застыл, и в нем застыли
ветки, банки, отраженья.
Это в розановском стиле
остановлено мгновенье.

По прудам бредут мессии –
впрямь по водам, как учили
(фигуристы, рыбаки ли?).
Подморозили Россию,
да вот снегом не укрыли.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Просвет между деревьями. Рассвет.
В просвете – и тревога, и надежда.
Хоть все на свете слишком ненадежно
и смысла, кроме жизни, в жизни нет,
какой-то там мерещится ответ.

Не свет в конце туннеля, а – река,
и озеро, и море серебрится
там, за деревьями... Вода ребриста,
как будто перистые облака.
И ждет тебя в объятья, старика.

2015

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	3
«Я не последний, крайний...»	7
ЧЕТВЕРТАЯ ЧЕТВЕРТЬ	9
«Четвертая четверть, когда впереди только теплый...»	11
«Звезда упала и осталась...»	12
«Люди - это те, кого не трогать лучше...»	13
«Я не люблю ни женщин, ни мужчин...»	14
«Летим на планете – куда-то, зачем - то, сквозь темень...»	15
«От бытия к отбытию готов...»	16
«Самец уже никакой...»	17
«Эти наши ковры на стенке...»	18
У КИЕВСКОГО ВОКЗАЛА	19
МОСКОВСКИЙ СОНЕТ - 2013	20
SOME BACK	21
ПЕШЕХОД	22
СТИХИ СО СНОТВОРНЫМ	23
«Жизнь постепенно сводится не к успеху...»	24
«До сих пор играю в футбол...»	25
«И не предупредили, что уйдут...»	26
«Я в ужасе от мира женщин!...»	27
ПОД ЗЕРКАЛОМ	28
«Последняя иллюзия, что плоть...»	29
ПОКОЛЕНИЕ ОТЦОВ	30
«Дух некрепок и плоть слаба...»	31
«Когда посетила вчера зоопарк...»	32

«По ночному галечному пляжу...»	33
«Старичок на лошади, на диком пляже...»	34
«Ставши стариком, сидеть на пляже...»	35
«Все равнодушнее год от года...»	36
«На другую не заменимая...»	37
«Не зови меня в виртуальное ваше пространство...»	38
«Свет в окошке Windows...»	39
«У звонков телефонных приоритет...»	40
«И глоток свободы запит коньяком...»	41
«Мины замедленного действия...»	42
«Оранжевая революция – это когда...»	43
ТОЧЕЧНАЯ ЗАСТРОЙКА	44
«Зону эту застал я...»	45
«У кого-то Кастальский источник...»	46
ПЕСЕНКА ПРИШЕЛЬЦА	47
«Василий Петрович Петров...»	48
«Нет презумпции невиновности...»	49
«Не пишется больше о красоте природы...»	50

СОБРАНИЕ ПОТЕРЬ	51
люди и вещи	53
1. «Вещи, как люди, вдруг пропадают куда-то...»	53
2. «Что удивляет: многие вещи уходят...»	54
ПОСЛЕ ПОЕЗДКИ В ГРУЗИЮ	55
«Потерял тетрадку со стихами...»	56
СОСЕД ПО ПЕРЕДЕЛКИНУ	57
МОИ СОБЕСЕДНИКИ	58
«Раннее пробуждение, потом одинокий путь...»	59

«Горько плачущее дитя...»	60
«У каждого где-то свои родители...»	61
ОТЕЦ	62
1. «Он просто уехал в командировку...»	62
2. «У моего отца не было вольницы...»	62
3. «Как правильно мой поступил отец...»	63
«Глянул в зеркало и увидел...»	64
ОТВЕТ НА ПИСЬМО СТАРОГО ДРУГА	65
ПОЕЗДКА В ПИТЕР	66
«Все пикники мои – у обочины...»	67
«Все, что нажил за жизнь, – бумазейную эту рубаху...»	68
«Свет в ноябре означает другое...»	69
«Тоска от лиц чужих, районов и квартир...»	70
«В единственной жизни невозможно любить навсегда...»	71
РЕТРО	72
«Последние бабкины пирожки...»	73
ДЕТСКОЕ	74
ВОСКРЕСНЫЙ ПАПА. ВОСПОМИНАНИЕ	75
«Нам ни к чему не дают привыкнуть...»	76
ЖИЛИ-БЫЛИ	77
1. «Наступят вот-вот холода...»	77
2. ОТПУСНИК	78
3. «Кто жил, оставляет след...»	78
«Неприяженный взгляд...»	80
«Поклонницам моим под девяносто...»	81

«Любую, пробегающую мимо...»	82
«В женской стране я был только туристом...»	83
НА НОЧНОМ МОРЕ	84
НА КРАСНОМ МОРЕ	85
«Когда ты с землею близко...»	86
«С трудом понимаешь, что все изменяется в мире...»	87
«То заснуть не могу никак...»	88
«То ли ветер, то ли дождь...»	89

ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ЖИЗНИ 91

«Наши путешествия по жизни...»	93
«Ребра Иисуса в небе весеннем...»	94
«В детстве во сне я видел только слонов...»	95
«Девочка, вот я тебя теряю...»	97
ДЕВУШКА БЕЗ ВЕСЛА	98
МОЛИТВА СТАРОГО АДАМА	99
«Весь этот ужас тела...»	100
«Лишь распятого Бога...»	101

Ø ДАНИЯ! 102

1. «Земля, где звенят падающие на стоянках велосипеды...»	102
2. «Ваш язык нам ни к чему...»	102
3. «У датчан есть перечеркнутое О...»	103

В НЬЮ - ЙОРКЕ 104

НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ 105

1. ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ	105
2. НЕТАНИЯ: ПЛЯЖ - КЛУБ	105

3. ГОРОД ТРЕХ РЕЛИГИЙ	106
4. У ГРОБА ГОСПОДНЯ	106
5. НА ИЗРАИЛЬСКИХ УЛИЦАХ	107
БЕРЕГ АЗОВА	109
НА КАЗАНТИПЕ	110
БОЛГАРСКИЙ МОТИВ	111
«Общенье с другим поэтом...»	113
«Родня моя не любила моих стихов...»	114
НА АЛТАЕ	115
1. «Где-то там Катюнь...»	115
2. «А еще тут рядом Шамбала...»	115
3. «Рулите выше – все равно снесет...»	116
«Тучна египетская ночь...»	117
В ХУРГАДЕ	118
КЛАССИЧЕСКАЯ ВАРИАЦИЯ	119
ИСПАНСКИЙ МОТИВ	120
БЕС И РЕБРО	121
1. «Ну, чем мы виноваты, что имеем...»	121
2. «Вот девы стройные, вот тетки...»	121
3. «Зачем сломали мне ребро?...»	122
4. «Волны рожают чаек...»	122
5. «Кто там стилем вольным...»	123
6. «Сменяются с годами нормы...»	123
7. «Если на меня садятся мухи...»	124
8. «Когда уже загорать не хочется...»	124

9. ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР НА НОЧНОМ ПЛЯЖЕ	125
«В 55 лет получил комплимент...»	126
АЛКОГОЛИЧЕСКОЕ	127
«Закатное солнце красивей любого другого...»	129
В ГОА	130
«Волны света сквозь волны моря...»	131

СТИХИ 14 ГОДА 133

ВСТРЕЧА 2014 - го	135
«Лишь мерещится, что не меняется...»	136
«Как всем житейским утомлены!...»	137
«Как же нас все-таки жалко!...»	138
СЕЛФИ	139
«Уходят простые утехи, сжигают мосты...»	140
«Соучастники преступления...»	141
«Больше всего на свете, конечно, неба...»	142
КРЫМ. ИЮНЬ - 2014	143
«Болконскому надо было нарваться на ранение...»	144
«Молодые мужчины и толстые тетки в купальне...»	145
«Мешают другие люди людям другим...»	146
«Почему - то к морю спиной...»	147
«Он долго терпел, но терпелке Его конец...»	148

ИЮЛЬ - АВГУСТ 14-го 149

1. «У самолета морда дельфина...»	149
2. «– Сколько еще осталось таких вот лет...»	149

ЗОНА ОТДЫХА В ПОДМОСКОВЬЕ 151

«Август – август, златоуст...»	152
«Возрастает значение скамеечек...»	153
«Кто поседел, кто полысел...»	154
EXSISTO	155
«Считал калории, снижал холестерин...»	155
«Некрасивая дурочка Любочка...»	155
«Сижу среди гастарбайтеров у пруда...»	156
«У меня был фокстерьер...»	156
«Каждым суждением, каждым движением...»	157
«Ходят, улыбаются...»	157
«Надругательства над женским телом...»	158
«Нас привлекает пустота...»	158
«Единственный способ при жизни поплавать в небе...»	159
«Тень моя – к вечеру длинная...»	159
«Люди с амбициями неприятней...»	160
ОКТАБРЬ 14 - го	161
«На исходе шестого десятка...»	162
«Еду в поезде ближнего следования...»	163
«А когда меня уже не стало...»	164
ТРОПЫ МИЗАНТРОПА	165
1. «Когда все человеческое чуждо...»	165
2. МИЗАНТРОПИЧЕСКОЕ РЕМИНИСЦЕНТНОЕ	166
3. МИЗАНТРОПИЧЕСКОЕ ВЗАИМНОЕ	167
4. МИЗАНТРОПИЧЕСКАЯ ПЛЯСОВАЯ	167
5. «Мучительное к людям отвращение...»	169

У ДОМА - МУЗЕЯ ПАСТЕРНАКА	170
«Я понимаю: так много не надо...»	171
«Запускал стихи сорок лет...»	172
«И что же, значит, это жизнь была?..»	173
БЛИЗКИМ	174
НОЯБРЬ - 2014	175
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	176

Литературно-художественное издание

ХЛЕБНИКОВ ОЛЕГ НИКИТЬЕВИЧ

КРАЙНИЙ

КНИГА НОВЫХ СТИХОВ

Дизайн обложки
Марины Елистратовой

Верстка
Ирины Рябчиковой

Подготовка оригинал-макета – издательство «Арт Хаус медиа»

ISBN 978-5-902976-97-4

Подписано в печать 01.02.2016.
Формат 60х70/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Печл. 11,75.
Тираж 500 экз. Заказ №397

ООО «Арт Хаус медиа»,
Россия, 125047, Москва, 3-я Тверская-Ямская, д.21/23, кв.26

Книги издательства «Арт Хаус медиа» вы можете заказать по адресу:

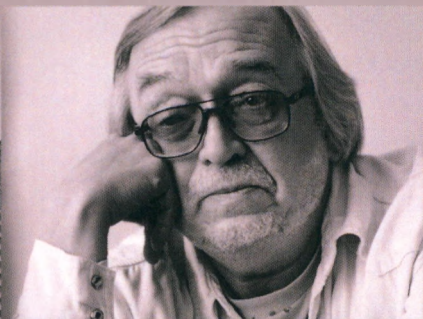
<http://www.ahm.ru>

E-mail: njukta@yandex.ru

по телефонам: 8 (915) 193-31-91, 8 (495) 363-45-91

Купить книги издательства можно в магазинах Москвы

ArtHouse
media

**Звезда упала и осталась
на том же месте, где была.
И вот уже подходит старость,
хоть даже юность не прошла.**

**И вот еще звезда другая,
из щедрого созвездья Лев,
летит по небу, догорая
и никогда не догорев.**

Олег Хлебников родился в 1956 году в Ижевске. В 1983 году переехал в Москву. К тому времени он был уже кандидатом физмат наук, но в Москве оставил работу по специальности и поступил на Высшие литературные курсы при Литинституте (семинар Александра Межирова). С 1988 по 1991 год работал в «Огоньке» редактором отдела литературы. С 1992-го по 1994-й включительно – главный редактор журнала «Русская виза». С 1996 года – в «Новой газете». В настоящее время – шеф-редактор отдела современной истории, заместитель главного редактора.

На сегодня – автор одиннадцати (эта – двенадцатая) книг стихов, вышедших в России, и двух в переводах – во Франции и Дании. Также переводился на болгарский, фламандский, английский, грузинский...

В 2011 году получил премию «Венец» Союза писателей Москвы за книгу «Люди Страстной субботы», изданную «Арт Хаус медиа», в 2013-м стал лауреатом Новой Пушкинской премии за вклад в культуру.

